
ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 153—168.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 153—168.

Рецензия

УДК 1:316(091)(430)

DOI: 10.46725/IW.2022.2.8

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И ЕГО ИДЕИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ И НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ

Рец. на кн.:

*Терехов О. Э. История и политика в трудах
Освальда Шпенглера: проблемы историографии.
Кемерово: Кемер. гос. ун.-т, 2020. 163 с.*

Дмитрий Александрович Смирнов

Ивановский государственный политехнический университет,

Иваново, Россия, d-smirnov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5271-9197>

Аннотация. В рецензии рассматривается монография О. Э. Терехова, в которой представлена история изучения интеллектуального наследия Освальда Шпенглера, начиная с выхода его фундаментального труда «Закат Европы». При этом важное место занимает трансформация создаваемых Шпенглером образов в политическом сознании и их активное воздействие на него. В монографии раскрыты особенности отношения к идеям Шпенглера не только в разные исторические эпохи, но и отдельно в самой Германии, и отдельно в других странах. Особенно позитивной оценки заслуживает конкретный интерес к отечественной историографии наследия Шпенглера. Структура монографии четко демонстрирует позицию автора разделить весь комплекс

интеллектуального наследия Шпенглера на отдельные элементы, проявившие себя и в историографии идей немецкого мыслителя: идеи историзма, философской концепции, политической идеологии.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, «консервативная революция», консерватизм, традиционализм, историзм, немецкие интеллектуалы, историография

Для цитирования: Смирнов Д. А. Освальд Шпенглер и его идеи в политических образах и научных концепциях. *Рец. на кн.: Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2020. 163 с. // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 153—168.*

Review

OSWALD SPENGLER AND HIS IDEAS IN POLITICAL IMAGES AND SCIENTIFIC CONCEPTS

Review on the book:

***Terekhov O. E. History and politics in the writings
of Oswald Spengler: problems of historiography.
Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 163 p.***

Dmitry A. Smirnov

Ivanovo State Polytechnic University,
Ivanovo, Russia, d-smirnov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5271-9197>

Abstract. The article draws attention to the monograph by O. E. Terekhov, which presents the history of the study of the intellectual heritage of Oswald Spengler since the release of his fundamental work “The Decline of Europe”. At the same time, an important place is occupied by the transformation of the images created by Spengler in the political consciousness, and their active influence on it. The monograph reveals the peculiarities of the attitude towards Spengler’s ideas not only in different historical epochs, but also in Germany itself and in other countries. The specific interest in the national historiography of Spengler’s legacy deserves a particularly positive assessment. The structure of the monograph clearly demonstrates the author’s intention to divide the entire complex of Spengler’s intellectual heritage into separate elements that also manifested themselves

in the historiography of the idea of the German thinker: the ideas of historicism, philosophical concept, political ideology.

Keywords: Oswald Spengler, “conservative revolution”, conservatism, traditionalism, historicism, German intellectuals, historiography

For citation: Smirnov, D. A. (2022), ‘Oswald Spengler and his ideas in political images and scientific concepts. Review on the book: Terekhov, O. E. (2020) *Istoriia i politika v trudakh Osval'da Shpenglera: problemy istoriografii* [History and politics in the writings of Oswald Spengler: problems of historiography], Kemerovo State University, Kemerovo, 163 p.’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 153—168 (in Russ.).

Монография известного кемеровского ученого О. Э. Терехова [Терехов, 2020]¹ выстроена по классической схеме аналитического исследования историографии идейного наследия крупного мыслителя. В ней представлен его взгляд на философа истории, культуролога, консервативного политического публициста Освальда Шпенглера (1880—1936). Она включает в себя главы, посвященные западной и отечественной мысли в ее рассмотрении теоретических представлений Шпенглера, концептуальных основ и событийного фона его творчества.

Впрочем, особенности идейного наследия мыслителя не позволяют сконцентрироваться на ограниченном круге вопросов. Поэтому выбранные для анализа проблемы в историографии заставляют О. Э. Терехова знакомить читателя с максимально широким кругом мнений и экспертных оценок, акцентировать внимание на дискуссиях различной остроты и показывать разного уровня достигнутые конвенции вокруг идейного наследия О. Шпенглера. При этом каждый из этих штрихов органично дополняет масштабное и колоритное полотно восприятия мыслителя.

В главе 1 — «Идейно-теоретические взгляды О. Шпенглера» — затронуты вопросы предпосылок формирования, а также собственно содержания культурно-исторической и политической концепции мыслителя. Терехов соглашается с тем, что сформировавшийся на исходе эпохи модернизма, в «кризисные годы

¹ Далее ссылки на данную монографию приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

классического модерна», Шпенглер нашел для себя многие смыслы и понятия именно в нем (с. 10). Таким образом, по словам ученого, «исследователи однозначно прослеживают связь между традиционализмом и консерватизмом, даже если и рассматривают в отдельных случаях консерватизм как полностью модернистскую идеологию» (с. 11).

Терехов соглашается с целым рядом авторов — от К. Клемперера до Т. Манна — в том, что Шпенглера формировала ницшеанская «переоценка всех ценностей» (с. 12). При этом, по мнению Терехова, направления, близкие философии жизни, «предвосхитили и подготовили на интеллектуальном уровне ... постепенный переход человека и общества в “новое состояние”, которое впоследствии получило название постмодерна» (с. 14). «Значимое проявление» этого Терехов находит также в «критике исторического сознания», «критике историзма», нашедшего себя в Германии в «традиции немецкого историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом» (с. 14).

Впрочем, Терехов справедливо подчеркивает, что исследование немецкого историзма не затмевает и раскрытие «обратной стороны такого “культурного подвижничества” немецких интеллектуалов», которую он видит в целом комплексе «побочных» продуктов: «национализме, милитаризме, империализме, аполитичности и т. д., т. е. во всем том, что давало благоприятную почву консерватизму»: «Эти интеллектуальные и политические установки составили основу “идей 1914 года” и были обнаружены у Шпенглера его современниками в широких интеллектуальных границах от “особого исторического пути Германии (Sonderweg)” до концепции “народного сообщества” (Volksgemeinschaft) в духе так называемого “немецкого (прусского) социализма”» (с. 18, 19).

Другим фактором социально-политической трансформации немецкого общества, повлиявшим на Шпенглера, Терехов считает собственно исторические события Первой мировой войны. Они «радикализировали умянастроения германских националистов и консерваторов, особенно молодое поколение так называемых фронтовиков и близких к ним по возрасту представителей правого политического лагеря Германии. Причем эта радикализация выразилась в попытке синтеза традиционализма и модернизма,

что привело к созданию двух радикально-консервативных идейных и политических феноменов — «консервативной революции» и национализма» (с. 22). Но «понимание невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур», считает Терехов, делало «консервативных революционеров» именно «апологетами различных версий “реакционного модерна”» (с. 23).

Книгу Шпенглера Терехов считает «блестящим образцом того, насколько зачастую тесно в германской гуманитарной мысли проходила связь между собственно научными изысканиями и теми идеологическими выводами, которые можно было сделать из них» (с. 25). Он представил в своей культурно-исторической концепции «Заката Европы» «едва ли не главное идеологическое оружие Германии после войны» (с. 26). Главный ее объект Шпенглер увидел в культуре, которая «как некое пространственное образование» подобна «живому организму и проходит все стадии живого организма», откуда и проистекает его предложение применить «морфологию всемирной истории» в качестве метода изучения культуры и истории (с. 27). Однако Терехов находит характерный парадокс во взглядах Шпенглера, демонстрирующий влияние на него прежнего периода развития научной методологии: «Будучи убежденным противником переноса законов естествознания на изучение культуры и истории, он в своей морфологии всемирной истории уподобил жизнь культуры биологическому ритму». В этом Терехов видит даже «некую пародию на позитивистскую методологию истории» (с. 28).

При этом собственно понятие «цивилизация» не было чуждо морфологии истории. Характерны, обращает внимание Терехов, и черты типа личности у носителя цивилизации: «Городской кочевник, обитатель большого города, оторванный от традиций, иррелигиозный, интеллигентный человек массовой культуры» (с. 30). Поэтому, по мысли Терехова, «понятие “цивилизация” является системообразующей теоретико-методологической и идейной конструкцией “Заката Европы”» (с. 30). Именно преодолению последствий цивилизации посвящают свои усилия представители «консервативной революции», к которым, напоминает Терехов, относят и Шпенглера, укрепляя его идейное наследие в качестве «предмета в большей степени интеллектуального и гуманитарного дискурса, чем общественно-политического» (с. 47).

Глава 2 — «Историко-философское наследие Шпенглера как предмет исследования» — в равной мере посвящена раскрытию особенностей трактовок учения Шпенглера как западной, так и отечественной гуманитарной мысли. Начало этого в западной историографии связано уже с выходом первого тома «Заката Европы». В течение 1919—1922 гг. атака на Шпенглера и с правого, и с левого флангов с явно негативным отношением к нему получила название «спора о Шпенглере» (с. 49). Среди критиков «Заката Европы» Терехов особо отмечает Э. Трёльча, Г. Зиммеля, Ф. Мейнеке, М. Хайдеггера, Т. Манна. Их комментарии в 1922 г. рассмотрит М. Шрётер в своем «Споре о Шпенглере», ставшем, по мнению Терехова, «первой обобщающей историографической работой» об этом. Эта дискуссия вокруг идей Шпенглера признала их в качестве достойных для критики.

Пришедшие в начале 1930-х гг. к власти нацисты, не получившие от Шпенглера поддержки действий и идей, подчеркивает Терехов, сделали акцент на политических идеях и публицистике «консервативной революции» и отодвинули концепцию Шпенглера на второй план.

Среди зарубежных авторов Терехов обращает внимание на работу Л. Февра «От Шпенглера до Тойнби», в которой основатель школы «Анналов» в 1936 г. вскоре после выхода первых томов «Постижения истории» подвергает «суровой критике» (определение Терехова) их концепцию, а Шпенглера даже причисляет к «духовным предтечам германского национал-социализма», хотя и признает, что «Годы решений» Шпенглера «испортили его отношение с нацистским режимом» (с. 55). Тем не менее, Терехов полагает, что статья Л. Февра стала признанием значимости идей Шпенглера даже в качестве «общей негативной оценки» (с. 55).

Среди первых авторов, способствовавших этому, Терехов называет английских философов и историков Р. Дж. Коллингвуда, К. Ясперса, обращает внимание на первые шаги американских авторов, например, Г. С. Хьюза и К. Клемперера. В самой Германии такая работа начинает разворачиваться чуть позже. Объяснение этому Терехов не дает. Однако стоит предположить, что это напрямую было связано и со стремлением к быстрейшему забвению нацистского прошлого со стороны самих немецких авторов и с проведением политики денацификации. В подтверждение

того, что было распространено такое мнение, можно обратить внимание на работу Хьюза, прямо именовавшего еще в 1952 г. Шпенглера нацистом.

Лишь спустя двадцать лет после Второй мировой войны в честь 85-го юбилея своего учителя М. Шрётера (оформившего «Спор о Шпенглере») А. М. Коктанек в качестве результата изучения архива Шпенглера издаст сначала ряд его неопубликованных работ и переписку, а затем сборник статей «Изучение Шпенглера», содержащий в первой части воспоминания современников, а во второй — статьи с анализом идей. В 1968 г. Коктанек публикует первую официальную биографию Шпенглера с опорой на богатый источниковый материал, собранный им во время работы над архивом, хотя результаты этой работы и не были признаны в интеллектуальном пространстве Германии, прежде всего в левых кругах, делавших ответственным мыслителя за приход нацистов к власти.

Не затрагивая влияние проблемы «преодоления прошлого» на исследование идей Шпенглера в первые десятилетия после Второй мировой войны, Терехов обращает на нее косвенное внимание при изучении наследия культуролога в последующие годы: «Для того чтобы представить целостный образ пророка заката Запада понадобилось изменить точку зрения на немецкий консерватизм как мировоззрение и политическую позицию... Немецким гуманитариям, отягощенным опытом “преодоления прошлого”, особенно сложно это было сделать» (с. 59). По мнению Терехова, значимы были исследования 1980-х гг.: сборник «Шпенглер сегодня», диссертация «Освальд Шпенглер и современная критика культуры» К. Экерманна. В 1988 г. возросший интерес к Шпенглеру нашел продолжение в работе Д. Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой», «окончательно “академически” канонизировавшей автора “Заката Европы”» и уже в названии признавшей спорность прежней однозначной трактовки наследия (с. 61).

Расширялось и методологическое пространство его интерпретаций. Терехов находит «социально-психологический подход» в исследовании Ф. Ботермана 1992 г. Сборник «Случай Шпенглера:

критический итог» ряда видных европейских и американских шпенглероведов и специалистов по немецкому консерватизму 1994 г. представляет определенный итог их личного знакомства с его идеями без всякой попытки системного осмысления.

Продолжение знакомства с наследием Шпенглера приводит, по мнению Терехова, к политизации интереса к нему: у П. Зиферле «философско-историческая концепция Шпенглера подчинена политическим задачам», а у Р. фон Буше Шпенглер выступает «авангардистом среди консервативных мыслителей Веймарской республики», в руках которого культурфилософия стала «первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме в ходе Первой мировой войны» (с. 64). Также о влиянии Шпенглера на общественные настроения времени указывает К. Вайсманн. При переиздании в 2005 г. в соавторстве с А. Молером его труда «Консервативная революция в Германии: 1918—1932 гг.», первое издание которого увидело свет еще в 1950 г., Терехов отмечает, что для Вайсмана труд Шпенглера «должен был служить политическим и военным ориентиром для германской политической элиты после войны» (с. 65).

В англоязычном пространстве дискуссия вокруг Шпенглера проходила более критично. В 1999 г. Т. Рокрэммер определил его идеи, цитирует Терехов, как «своеобразную мешанину» (с. 65). Впрочем, монография Дж. Фарренкопфа демонстрирует другой пример исследования наследия Шпенглера с более обширной историографией и детальной оценкой его исторических и политических прогнозов (с. 66).

В начале XXI в., отмечает Терехов, шпенглерiana продолжает дополняться «не менее современными и значимыми» работами (с. 67). В 2018 г. столетие выхода в свет «Заката Европы» было отмечено выходом сборника «Шпенглер — мыслитель рубежа веков», где, отмечает Терехов, вновь подчеркивается обреченность его на «восприятие в двойной перспективе». Другие заметные сборники «Шпенглер как европейский феномен» и «Шпенглер без конца», по мнению Терехова, тематически и содержательно дополняют друг друга (с. 68). Также Терехов считает важным создание в 2017 г. «Общества Освальда Шпенглера по изучению человечества и всемирной истории», избравшим своей миссией понимание «принципов, лежащих в эволюции человека,

всемирной истории и ее перспектив» (с. 69). Как обращает внимание Терехов, общество стремится обогатить теоретический фундамент современных междисциплинарных подходов. В 2018 г. проведена конференция, посвященная столетию выхода главного труда Шпенглера, и учреждена премия его имени. Она была присуждена писателю Мишелю Уэльбеку, чей сборник эссе вместе с материалами конференции должен был открыть книжную серию общества. Информация о деятельности общества, а также сетевой журнал размещены на его сайте.

Терехов считает изучение рефлексии идей Шпенглера со стороны русских гуманитариев не менее важной, поскольку уже в 1922 г. в Москве благодаря усилиям Н. А. Бердяева и Ф. А. Степуна вышел сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Полемика вокруг него привела к знаменитому «философскому пароходу» — высылке из Советской России известных полемистов и критиков большевистской власти (с. 71). Терехов подчеркивает, что события, вызванные выходом сборника, определили допускаемые границы инакомыслия и определили марксистское понимание Шпенглера в Советской России (с. 74). Оценивая с левого фланга несомненное политическое звучание для нацистов идей Шпенглера, отмечает Терехов, уже в 1933 г. такой взгляд предложил В. Ф. Асмус в работе «Маркс и буржуазный историзм».

Взгляд на Шпенглера стал меняться лишь в 1970-е — 1980-е гг. Среди примеров этого Терехов называет работы П. Ю. Рахшмира, А. С. Бланка, А. А. Галкина. Началом этого, впрочем, стала более ранняя статья С. С. Аверинцева 1968 г. «Морфология культуры Освальда Шпенглера» (с. 78). Спустя время появился «более утончено-марксистский подход» к наследию Шпенглера, найденный Тереховым в исследовании эстетизма, «выраженного в отстраненном созерцании истории с высоты великих культур» в работе Ю. Н. Давыдова «Шпенглер и война. (Историософское эстетство в свете современного опыта)» (с. 78).

Вторую половину 1980-х гг., полагает Терехов, характеризует для отечественной историографии «иной, конечно, не свободный до конца от идеологических штампов советского марксизма, но более взвешенный подход к интеллектуальному наследию Шпенглера»,

отраженный в работах К. А. Свасьяна и Г. М. Тавризян: Свасьян, в первую очередь, подчеркивает стремление Шпенглера представить политическую доктрину, а монография Тавризян становится «отправной точкой постсоветского этапа» в изучении мыслителя, поскольку она обратила внимание на то, что он ставит проблемой кризис западной культуры (с. 79, 80).

Рубежным для отечественной, теперь уже постсоветской, историографии изучения идей Шпенглера Терехов справедливо называет 1993 г., когда был переиздан «Закат Европы» в переводе 1923 г., издан его новый перевод вместе с обширным очерком Свасьяна, а также защищена диссертация Т. Б. Карулиной «Освальд Шпенглер и немецкая философия истории 20—30-х годов XX века». Во второй половине 1990-х гг. и позже круг исследователей идей Шпенглера, обращает внимание Терехов, расширяется: А. И. Патрушев, О. Ю. Пленков, В. Н. Сыров, Б. Г. Могильницкий. Постепенно, подчеркивает Терехов, «шпенглерiana разделяется на два направления»: «Одно — сосредотачивает внимание на культурно-исторической концепции Шпенглера в контексте философско-исторической и гуманитарной мысли, а другое рассматривает малоизученную в советской гуманитарной мысли политическую концепцию и политические взгляды Шпенглера в рамках идеологии “консервативной революции”» (с. 84).

Российские авторы активно используют, отмечает Терехов, сравнительный метод в работах о Шпенглере: А. К. Камкин, А. А. Лактионов, Л. Г. Зимовец (с. 85). Также появляются работы, видевшие взгляды Шпенглера «в контексте общеевропейской мысли его времени»: Е. Н. Немерова, П. П. Гайденок, Г. М. Тавризян. Завершающими на сегодняшний день аккордами изучения философии истории Шпенглера в отечественной историографии Терехов рассматривает диссертацию Б. В. Подороги «Понятие гештальта в философии Освальда Шпенглера» и работу И. В. Дёмина «Философия истории в постметафизическом контексте».

Глава 3 — «Политическая концепция Шпенглера: проблемы интерпретации» — непосредственно затрагивает вопросы изучения историко-политического контекста, повлиявшего на формирование политических взглядов мыслителя. Терехов концентрирует на них особое внимание, поскольку они позволяют

рассмотреть отношение Шпенглера с движением «консервативная революция»: Клемперер считал Шпенглера «языческим консерватором», а Коктанек находил у него «романтическую традицию» с ее критикой цивилизации (с. 91). У Г. Люббе на первый план выходит практическая направленность текстов Шпенглера, отражающих политизацию общественного сознания. Но если Х. Мёллер констатирует, что Шпенглер в числе других мыслителей подготовил духовную почву для нацизма, то К. Экерманн, по оценке Терехова, обращает внимание на представление Шпенглера о государстве как органическом индивидууме, подчинявшем единичную волю общей, и потому не считает его нацистом (с. 93). «Приверженность Шпенглера к идее органического происхождения государства» Терехов находит и у Д. Фелькена (с. 97).

Актуальное понимание политических взглядов Шпенглера, считает Терехов, начинает складываться в 1990-е гг. с публикацией сборника «Случай Шпенглера». Фарренкопф видит в «Закате Европы» «рекомендации элите по искусству управления государством», а Люббе концентрирует внимание на сравнении Шпенглера и Юнгера в качестве романтических политических экзистенциалистов (с. 100). Важна и работа Зиферле, в которой высказано мнение, что Шпенглер не видел различие между либерализмом, большевизмом и национал-социализмом: «Они являлись для него выражением системы господства партий» (с. 102). Особенным образом, по мнению Терехова, политические взгляды Шпенглера трактовал Буше, увидевший у Шпенглера в преобразовании «аполитичности немецкой нации» новую формулу «политического юного немецкого народа» (с. 104).

В 2000-е гг., на волне подъема «новых правых», обращает внимание Терехов, Шпенглер становится одной из культовых фигур «консервативной революции». В специальном номере журнала «Сецессия», вышедшем в 2005 г., его редактор К. Вайсманн, известный в качестве одного из идеологов «новых правых», оформляет позицию движения. Притягательность Шпенглера, справедливо отмечает Терехов, объясняется его определенной дистанцией в отношении «консервативной революции»: для них интересна его критика и возможность критики его взглядов (с. 105).

Историю отечественной историографии политической идеологии Шпенглера Терехов разделяет на советский и современный российский этапы. Определяемую марксизмом позицию оформили такие критики буржуазной философии, как А. С. Бланк. Уже А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир, указывает Терехов, оценивают роль Шпенглера с точки зрения обновленного традиционализма (с. 107).

Современный этап, напоминает Терехов, начинается монография О. Ю. Пленкова, выявившего «пруссский социализм» во взглядах Шпенглера, и продолжают труды А. Н. Мочкина, считавшего его важным представителем неоконсерватизма, как он называет «консервативную революцию» (с. 109).

Терехов обращает внимание на то, что наряду с переизданием важных работ Шпенглера (например, статья «Пруссачество и социализм» в 2005 г. с послесловием А. М. Руткевича, разбиравшего концепцию с экономических позиций), спустя несколько лет выходят оригинальные по темам работы С. В. Артамошина и В. В. Афанасьева (с. 110).

Наряду с анализом историографии изучения отношений Шпенглера и «консервативной революции», Терехов предлагает рассмотреть конкретно историографию «консервативной революции», начало которой положили в годы Веймарской республики Т. Манн, А. Мёллер ван ден Брук, Г. Гофманншталь, Г. Фрайер. В годы нацизма, обращает внимание Терехов, «власти старались избегать выражение “консервативная революция”, а в рядах антифашистов оно стало ассоциироваться исключительно с идеологией и практикой национал-социализма», но оно оставалось в поле зрения политиков и публицистов, находившихся в эмиграции (с. 114).

Терехов справедливо констатирует, что «современное звучание» понятию «консервативная революция» дает книга «революционного консерватора последнего призыва» А. Молера «Консервативная революция. 1918—1932», вышедшая в 1950 г., охарактеризованная как «попытка самооправдания своей позиции перед и в годы Третьего рейха» и выполнявшая сверхзадачу «идейно очертить границы возникающего движения “новых правых” в ФРГ, признанным интеллектуальным лидером которых позднее станет Молер» (с. 115). «Второй отправной точкой»

в формировании историографии «консервативной революции» в Западной Германии Терехов считает книгу К. Зонтхаймера, «написанную с либерально-демократических позиций» (с. 117).

Последовательное рассмотрение Тереховым историографического материала позволяет увидеть, что интерес к «консервативной революции» все более возрастал, при этом становилась все более критической позиция его анализа. В конце 1960-х гг. Х. Герстенбергер, указывает Терехов, представила ее «новую трактовку» с «леволиберальных и социал-реформистских позиций» и увидела в ней идеологию «старого» среднего класса, «академиков» (с. 117).

В 1970-е гг. значительный вклад в изучение «консервативной революции», по мнению Терехова, вносят французские исследователи. Прежде всего, он обращает внимание на работу Л. Дюпё о национал-большевизме, представившую «консервативную революцию» как «культурную реакцию немецкого консерватизма на процесс модернизации в Германии» (с. 119). В этом же ряду Терехов называет П. Бурдьё, затронувшего в работе о политической философии Хайдеггера вопрос о влиянии на него взглядов Шпенглера и Юнгера.

В 1980-е гг., обращает внимание Терехов, Дж. Хэрф предложил для изучения «консервативной революции» концепцию «реакционного модерна» в идеологии и политической практике праворадикальных групп и движений. Затем П. Кондилис развил «историко-социологический подход» в изучении консерватизма, делая вывод о том, что он ушел в прошлое вместе с аристократией, а правые течения конца XIX — начала XX в. имеют с ним мало общего, но являются «выражением ортодоксального либерализма или “буржуазной реакцией”» (с. 122).

Хотя к концу 1980-х гг. устанавливается определенный теоретико-методологический консенсус относительно роли и места «консервативной революции» в интеллектуальной истории Веймарской республики и германского консерватизма в целом», Терехов считает, что «следующее десятилетие показало, что данная проблематика отнюдь не исчерпала своих исследовательских возможностей». Он приходит к выводу, что теперь ведущая роль в изучении ее политического феномена перешла германской гуманитарной мысли. «Возмутитель спокойствия», по оценке

Терехова, Ш. Бройер назвал ее «историческим и научным мифом» (с. 124). Такой взгляд, вызвавший острую дискуссию, подчеркивает Терехов, сформировал «своеобразную контрверзу Молер — Бройер как выражение двух полярных подходов в историографии “консервативной революции”».

Итог дискуссиям 1990-х гг. вокруг «консервативной революции», считает Терехов, подвел Р. фон Буше, пошедший дальше Бройера. Для него германский консерватизм базировался изначально на аполитичной вере в порядок, и он лишь после 1918 г., приручая широкие массы, предлагает протесту политические спекуляции и символы, но при этом оставаясь аполитичным (с. 129, 130).

В отношении советской историографии «консервативной революции» Терехов соглашается с мнением Ю. Н. Солонина, что не только табуированность, но и просто отсутствие интереса не позволило сформироваться ей в качестве значительного явления.

Взросший с начала 1990-х гг. интерес Терехов связывает «не столько с ослаблением идеологического диктата, а с осознанием важности изучения феномена “консервативной революции” для более глубокого понимания духовной и политической истории XX столетия не только Германии, но и Европы в целом»: сначала О. Ю. Пленкова, А. Ф. Филиппова, В. Э. Молодякова, а в последние годы А. М. Руткевича, В. В. Афанасьева, С. В. Артамошина. Многообразие трактовок он обуславливает «идеологической и политической неоднородностью «консервативной революции»» и отказом от рассмотрения ее представителей в качестве предтеч национал-социализма (с. 136).

Вывод Терехова по итогам рассмотрения идейного наследия Шпенглера вполне ожидаем: «Отношение к Шпенглеру менялось с течением времени и было связано с научным и общественно-политическим дискурсом, который господствовал в обществе в тот или иной период. Это было характерно для восприятия как культурно-исторической, так и политической концепций Шпенглера» (с. 138).

Широкий историографический материал делает такое суждение обоснованным, но все же преобладающий хронологический принцип изложения и слабое внимание именно к научному и общественно-политическому дискурсу не позволяют сказать,

что задачи решены. Терехов фактически ограничивается лишь общим суждением по поводу причин появления в определенный период времени конкретной точки зрения на идейное наследие Шпенглера, полагаясь, возможно, на осведомленность читателя или пренебрегая его интересами в плане объяснения причин ее появления. Вероятно, жесткие хронологические рамки в разборе собранного материала вызваны тем, что автор опасается погрузиться в анализ методологии Шпенглера, изменений в ней и причин их вызывающих. Для автора на первом плане находится проблема осмысления философа другими авторами, но не собственно объяснение его теории. И это несмотря на то, что этому посвящена целая глава.

Представленный материал действительно соответствует цели его исследования, но его анализ в такой форме демонстрирует спорность решения поставленных задач. Цель анализа историографии столь колоритной и многогранной фигуры, как Шпенглер, особенно в отношении таких общих заявленных проблем его исследования, как история и политика, ожидает решения в гораздо большем объеме, многопланово и на разном уровне.

Серьезным недостатком работы является редакторская небрежность, которая приводит к большому количеству ошибок и неточностей — от орфографических до стилистических.

Список источников

Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2020. 163 с.

References

Terekhov, O. E. (2020) *Istoriia i politika v trudakh Osval'da Shpenglera: problemy istoriografii* [History and politics in the writings of Oswald Spengler: problems of historiography], Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 18.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Д. А. Смирнов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия.

D. A. Smirnov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia.